

# Журнальное обозрение

100

Современная жизнь. — разумна, конечно, не последний год, а целый ряд многих последних лет, — не отличается ни интенсивностью борьбы, ни напряжением общественных чувств, ни яркой окраской и определенностью созерцаний. Главное — ее русло — жизнь среднего человека, большинства нашего общества, и есть та современная жизнь, которую мы видим в виду в литературной репродукции. Нам кажется, что будто всей нашей литературе один только Чехов и не будь в ней никого больше за эти 15 последних лет, то характеристика нашей эпохи от этого мало пострадала-бы, и картина современных нравов, жизни нашего общества осталась-бы неполной только в незначительной степени. Картина эта весьма печальна и не потому только, что нам хуже не видали. Напротив, были и худшие времена, и перспективнее тагостные. Но все призна — в общем полорит картины и переднем плане ее, который безспорно и безнадежно занял человек современности, — индифферентность, апатизм (он же и эгоизм), себялюбие, практицизм и дельность, представителем мелких, реальных и будничных интересов. Это не значит, что умственный уровень человека (среднего человека) и его объем нравственных требований сузился сравнительно с прежним. — Напротив, он, быть может, и выше, и шире, но отсутствие общественной самостоятельности и какого-либо вопроса на личную инициативу и проявление индивидуальности, никчемность и даже убыточность высших идеалистических стремлений, бездельность и даже вредность всякого усилия и напряжения в направлении не личного блага, а с другой стороны, торжество и разнузданность карьеризма, самоуслаждения и самоусовершенствования окончательно атрофировали в нем альтруистические чувства и порывы к идеальному. Еще один шаг, и плоды общественной демократизации на лицо: перед нами коалекция чеховских типов — мелких, обделенных и обесцвеченных, заведенных мелочами и опустошенных пустяками лодыжеск, мучеников и мучителей, преступников и жертв, в обиду людей, и жить никому не дающих, и сами не жаждущих. В результате — тоска и уныние, которая укуса к жизни и тизма

жить, разлад в душе и разлад в настроения, раздор в семье и недовольство собой, близкими и окружающими, — словом, нарушение тех основ жизни, охранение которых шло в виду с самого начала и ради чего принесены верные жертвы. Мы не хотим этим сказать, что упомянутая коллекция типов, что эти герои безвременья олицетворяют всю сущность современной жизни. — Конечно, не на них одних свист кламонт сомелся, — но что они представляют господствующее большинство и создают тон жизни, что именно они представляют так называемое общество, — в этом нельзя сомневаться. Там бы еще мы далеки от мысли, что эти героидеястические в литературе типы, освещающие нашу жизнь в известном мрачном и мало обещающем свист: они являются только наиболее яркими образцами, но в литературе нашей она не составляют исключения. Вся она услана акземплирами той разновидности, которая водится в стихии „Соседей“, „Мужа“ и „Человѣка въ футлярѣ“, в только из одного „Воскресения“ можно выработать огромную портретную галерею, в которой найдут себя исто самые типичные представители современной общественной деятельности, дѣтели разных общественных положений. И все они отгичены печатью своего времени, но случайному совпадению с обличительной и правоучительной тенденцией автора или пошлю его вола. 100

Н. Геккер